

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

А.Г. ЮРЧЕНКО*

Последняя загадка «Codex Cumanicus»: изображение попугая

Автор выявляет на основе анализа исторических контекстов таких источников, как средневековые морские карты (портоланы) и шелковые ткани с эмблемами и именами правителей, значение единственного рисунка (изображения попугая) в рукописи «Codex Cumanicus» и предлагает следующую гипотезу. Современник событий, египетский историк Ибн Фадлаллах ал-‘Умари прославляет доблести мамлюков, основную массу которых составляли кипчакские рабы. Для ал-‘Умари они были истинным войском Аллаха и их победы над монголами, были исполнением воли Аллаха. Вероятно, в образе попугая кристаллизуется идея избранности мамлюкской династии на служение высшим целям. Попугай — одна из тридцати птиц мистического авиариума суфиев. В мистической поэме «Беседы птиц» Аттара попугай — одна из птиц, совершающих путешествие к Абсолюту. На деле же неизвестно, каким путем произошла перекодировка мистического символа в геральдический знак. Попугай египетского султана, кыпчака по происхождению, вошел в «Codex Cumanicus» как эмблема этого правителя.

Ключевые слова: «Codex Cumanicus», изображение попугая, средневековые морские карты, Ибн Баттута, знак власти, мистический авиариум суфиев.

DOI: 10.25882/js1k-9c03

Письменный памятник «Codex Cumanicus» исследовали выдающиеся лингвисты и тюркологи: Геза Куун, С.Е. Малов, А.Н. Самойлович, А.Н. Кононов, А.Н. Гаркавец, В. Дримба и В. Стоянов [Куун, 1880; Малов, 1930: 347–374; Самойлович, 2000: 175–180; Кононов, 1982; Гаркавец, 2007; Drimba, 2000; Стоянов, 2003: 481–505]. В кратком описании рукописи я опираюсь на результаты их трудов.

* Александр Григорьевич ЮРЧЕНКО — независимый исследователь (Санкт-Петербург); safir88@gmail.com

Сборник «Codex Cumanicus», составленный итальянскими и немецкими миссионерами и торговцами, состоит из двух частей. Первая часть после вступления на латинском языке содержит трехязычный латинско-персидско-кыпчакский словарь. Слова расположены в три колонки в алфавитном порядке. В первой колонке 1560 слов, но не все из них переведены на персидский и кыпчакский языки. Далее дан такой же трехязычный словарь, состоящий из 1120 слов, которые объединены в семантические группы и включают названия дней недели, месяцев, животных, растений, минералов, тканей, политических титулов и т.д. Эта часть Кодекса получила в науке название «итальянская».

Вторая часть произведения, написанная двумя разными почерками, содержит куманско-немецкий словарь. В нее включены прозаические и стихотворные христианские тексты на кыпчакском языке, латинские тексты с кыпчакским переводом и кыпчакские тексты с латинским переводом. Здесь же представлена коллекция кыпчакских загадок [Гаркавец, 2006; Golden, 1992: 33–63]. Эта часть сборника была названа «немецкая». Л. Лигети же назвал первую часть Книгой переводчика, а вторую — Книгой миссионеров.

Считается, что первая часть была создана генуэзцами, чьей торговой факторией в Крыму была Каффа. Каффский купец Антонио де Финале оставил памятную запись со своим именем на обороте л. 78: «Iste liber est de Antonio de Finale qui manet apud / Qui scripsit scribat semper cum Domino vivat / Vivat in celis Antonius in nomine felix / Qui me furatur malla morte non vidatur non». Судя же по содержанию «немецкой» части, ее авторами были францисканцы, занимавшиеся миссионерством в кыпчакской среде. Скорее всего, немецкие миссионеры, соединив обе части, отредактировали первую, сделав некоторые поправки в куманской колонке словаря.

Полное название произведения: «Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum Anonymi scriptum Anno 1303. Die 11 Julii». Дату 11 июня 1303 г. Д.А. Расовский считал днем окончания работы переписчика рукописи [Расовский, 1929: 191–214; ср.: Дашкевич, 1985: 72–83]. Рукопись объемом в 82 л. хранится в библиотеке собора св. Марка Евангелиста в Венеции (Biblioteca ad templum Divi Marci Venetiarum, Venezia, Mss. latini, Fondo antico, Collocazione 1597, Codex DXLIX / № 549). Рукопись была подарена библиотеке поэтом Франческо Петраркой в 1362 г.

Время возникновения Кодекса обычно очерчивают периодом между 11 июля 1303 г. (по иному прочтению — 1330 г.) и 1362 г. Изуче-

ние бумаги Кодекса по формату и водяным знакам позволило установить, что тетради 1 и 2 написаны на бумаге «Realle», а третья — на бумаге «Recute» тех разновидностей, которые появились в Италии около 1310 г. Некоторые же знаки указывают на сорта бумаги, производившиеся в Болонье около 1330 г. [Гаркавец, 2006: 68].

По мнению А.Н. Гаркавца, место изначального появления латинско-персидско-куманского словаря не ясно совершенно (это может быть и Крым, и Сарай, и Венгрия), а что касается места окончательного формирования Кодекса, то наиболее вероятной следует считать Каффу [Гаркавец, 2006: 69]. В середине XIV в. в Каффе и других городах на территории Золотой Орды — Солхате, Керчи, Сарае, Вичине упоминаются францисканские обитатели [Мальшев, 2006: 183–189; Еманов, 1996: 124–128]. В дунайской дельте было несколько портов, значимых для купечества Каффы. Это прежде всего Вичина [Brătianu, 1935; Годорова, 1981: 224–228].

В письме францисканцев из Каффы от 15 мая 1323 г., адресованном генеральному капитулу ордена миноритов и кардиналам папской курии в Авиньоне, говорится о том, как миссионеры преодолевают языковые трудности проповеди среди кочевников: «И на полученную милостыню покупаем детей обоих полов, выставленных на продажу. Неторопливо обучаем их вере и письму, образовывая из мальчиков духовников. Из них некоторые уже стали братьями и превосходными проповедниками, поскольку они лучше знают язык, а мы его только осваиваем» [Хаутала, 2014: 98–99]. Комментируя эти сведения, Р. Хаутала указывает на документ, учитывавший расходы апостольской камеры, где под 1318 г. упоминается покупка двух мальчиков «из Тартарии», привезенных в Авиньон для обучения христианской доктрине с целью отправить их обратно для проповеди католичества среди кочевников [Хаутала, 2014: 99, прим. 55].

Определимся с целями и задачами исследования.

Предмет исследования: изображение попугая в «Codex Cumanicus» (л. 58; «немецкая» часть Кодекса, где представлены фрагменты из Библии. Куманские загадки начинаются с л. 60). Это единственный рисунок в рукописи. Фигура птицы выглядит реалистично. Ни в словарных, ни в литургических текстах Кодекса попугаи не упоминаются. Подписи под рисунком не имеется, равно как и иных указаний, оправдывающих появление попугая в рукописи. При таких условиях загадка выглядит нерешаемой. Собственно, по этой причине изображение попугая в «Codex Cumanicus» не воспринималось исследователями как научная проблема.

Задача исследования: выявить иные исторические артефакты, на которых представлена фигура попугая в «кыпчакском» контексте, и уже на этой основе найти решение загадки. Так, например, в Каталонском атласе 1375 г. изображен правитель Египта. С тех пор как в 1250 г. власть в Египте захватили воины-рабы (*мамлюки*), государством управляли султаны, имевшие кыпчакское происхождение. На миниатюре у султана в руке зеленый попугай, которого он угощает кусочком сахара. В обоих случаях (в Кодексе и в атласе) не разъясняется, почему выбрана именно эта птица. Загадку царской птицы помогут раскрыть средневековые шелковые ткани с геральдическим изображением попугаев, на крыльях которых имеется круговая надпись, прославляющая мамлюкского султана. Попугаи на шелках — это эмблемы, которые можно рассматривать как символы власти кыпчакской гвардии в Египте.

Цель исследования: разъяснить причину появления рисунка попугая в «Codex Cumanicus» и найти исходное значение рисунка. Тексты суфийских поэм о полете тридцати птиц к божественному престолу раскроют мистическую сущность этого символа.

Славу мамлюкам в мусульманском мире принесла победа над монголами при Айн-Джалуте в 1260 г. Эта же победа вызвала кристаллизацию политической эмблемы. Ключевой же вопрос заключается в следующем: можем ли мы проецировать успехи кыпчакского оружия, и соответственно их суфийские эмблемы, на представления кыпчаков Золотой Орды о славе соплеменников, что и проявилось, на мой взгляд, в изображении попугая в «Codex Cumanicus»? Если бы в Кодексе появились геральдические попугаи, скопированные с египетских шелковых тканей, то ответ был бы положительным. В Кодексе же мы видим реалистичный рисунок попугая, а не эмблему. Собственно, в этом и заключена загадка. На самом деле загадок две, и я предлагаю их объединить: почему султан держит в руках живую птицу, когда ритуал предписывает предметные символы власти; и почему в Кодексе тот же самый живой попугай?

Для дальнейших размышлений требуется сделать два допущения. Первое: рисунок попугая в Кодексе не является произвольным и случайным. Он наделен смыслом, причем высоким. Перед нами знак, имеющий прозрачное содержание, загадка, в которую включен ответ.

Далее, в Кодексе используются четыре языка: латинский, немецкий, персидский и кыпчакский, за которыми стоят три культуры (христианская, мусульманская и тюркская). В контексте какой из трех культур следует рассматривать изображение попугая? Напрашивается первая,

поскольку в Кодекс включены переводы христианских текстов на кыпчакский язык. Но это будет поверхностное решение. Что можно серьезного сказать об образе попугая в христианско-кыпчакском диалоге? Ничего. Поэтому делаем второе допущение: попугай — значимая фигура политической мифологии за пределами кыпчакского мира. Она сконструирована суфийскими учеными для кыпчакской гвардии, управлявшей Египтом. Иными словами, попугая следует рассматривать в контексте кыпчакской культуры, ставшей мировым явлением.

Гипотеза: реалистичное изображение попугая в «Codex Cumanicus» и в Каталонском атласе 1375 г. (птица в руках султана) является одной и той же мистической фигурой суфийского авиариума. Это печать избранности мамлюкских правителей Египта, знак победоносного мусульманского воинства, каким стали кыпчаки в Египте. Буквально (для непосвященных) символ выглядит как живая птица, а в мистическом аспекте — это метафора истинных защитников веры, которым покровительствует Аллах. Все, что далее будет сказано о попугае в руках мамлюкского султана, в равной мере относится и к попугаю из «Codex Cumanicus».

Попугай египетского султана

В Каталонском атласе 1375 г. картографа Крескеса Авраама правитель Египта, мамлюкский султан, изображен с зеленым попугаем в руках; два других попугая шествуют вдоль Нила (см. факсимильное издание [Der Katalanische Weltatlas, 1977: tafel 4]; [Юрченко, 2010: 57–97]). Под изображением уточняющая надпись: *Aquest soldà de Babilònia és gran e poderós entre los altres de aquesta regió* ‘Султан Вавилона — самый великий и могущественный среди других [правителей] этой области’. Если на карте коронованные особы держат в руках знаки власти (скипетры, жезлы, мечи, щиты, золотые шары) либо, как ильхан Персии и царь Дели, вообще без инсигний, то египетский султан кормит сахаром ручного попугая. Фигура попугая заимствована Крескесом с морской карты (*портолана*) Ангелино Дульцера (1339), где, однако, отсутствует изображение правителя Египта (карта хранится: Bibliothèque Nationale, Paris. BnF, n° Res 08 Ge B 696. Издание: [Les Portulans, 1984: Tav. 7]. Тем не менее карта Ангелино Дульцера дает основания говорить о том, что тема попугая оформилась в Египте задолго до 1339 г. и нашла отражение на европейских картах на полвека раньше, чем она зафиксирована в Каталонском атласе 1375 г. К первой половине XIV в. исследователи относят создание окончательной версии «Codex Cumanicus».

Миниатюры Каталонского атласа дают пищу для размышлений. Так, в атласе над египетской Александрией развевается флаг с желтым полотнищем, на котором в черном круге видна белая фигура льва. Это флаг с гербом мамлюкского султана Байбарса ал-Бундукдари (1260–1277). В коллекции Эрмитажа хранится стеклянная ваза, украшенная росписью цветными эмальями: по стенке, с наружной стороны шесть медальонов, в которых попеременно на красном и голубом фоне белой эмалью изображен лев — герб султана Байбарса. Ниже идет полоса, содержащая арабскую надпись с титулатурой султана [Веселовский, 1899: 29, рис. 154; Золотая Орда, 2005: 92, 238, кат. 713]. М.Г. Крамаровский полагает, что изделия из стекла с эмальями, в их числе и ваза с гербом султана Байбарса, были предметом торговли с Египтом. По мнению Л.Э. Голубева, эта находка не может быть свидетельством импорта или военным трофеем [Голубев, 2002: 142–146]. Изображение султанского герба в виде льва встречается и на других предметах из стекла [Atil, 1981: 128. № 46]. Байбарс, воин-кыпчак, проданный в свое время в рабство, сделал карьеру в профессиональной гвардии. Возйдя после переворота на трон, Байбарс взялся за организацию государства по военному принципу. Эффективность его оборонительных мер (включавших службу срочной доставки сообщений) в разных гарнизонах вызывала восхищение. Он закупал большие партии новых кыпчакских рабов для своей личной армии [Ходжсон, 2013: 837–838]. В Каталонском атласе от Испании до Китая изображены семнадцать правителей, и только двое из них — ильхан и египетский султан — без указания личного имени. В таком случае здесь представлен обобщенный образ мамлюкских султанов, власть которых символизирует попугай.

Марокканский путешественник Ибн Баттута (1304–1368) причисляет египетского султана ан-Насира ад-дина Мухаммада (1309–1340) к семи великим царям мира и говорит о нем в превосходной степени: «Повелитель правоверных, тень Аллаха на земле его, представитель победоносной рати, которая не перестанет вступаться за истину до наступления [рокового] часа — да подкрепит Аллах дело его и возвещит победу его! — султан Египта и Сирии» [Сборник материалов, 2005: 217]. Под защитой мамлюков находились священные города мусульман Мекка и Медина.

И в Каталонском атласе воинственный и властный правитель Египта изображен как правоверный мусульманин. На нем почетный халат, на голове чалма. Его босые ноги символизируют смирение. В руках у него попугай, а не оружие. Так в чем же секрет победоносности султана? Ответ заключен в «попугае».

К числу великих царей мира Ибн Баттута относит и Гийас ад-дина Мухаммада, султана Дели (1325–1351) из династии Туглуков. Этот мусульманский правитель остановил экспансию монголов в Индию. Его титул сопровождается лакаб *гийас ад-дин* ‘спаситель веры’. В Каталонском атласе султан сидит на «подушке власти», на его голове золотая корона, правая рука поднята в выразительном жесте. В поясняющей надписи сказано: это великий султан, могущественный и очень богатый; у него семьсот слонов и сто тысяч всадников в дополнение к бесчисленным пешим воинам. На двух концах мусульманского мира тюркские династии успешно противостояли монголам.

Следует ли рассматривать птицу в руке египетского султана как знак царской власти? Скорее всего, да. В качестве аргумента или предметного доказательства выступают шелковые ткани XIV в., на которых вышиты попугаи и имя египетского султана. Иными словами, документируется символическая связь между правителем и птицей. Это и есть искомый «кыпчакский» контекст, который прольет свет на содержание рисунка попугая в «Codex Cumanicus». Очевидно, что картограф Крескес Авраам или его информатор знали нечто большее о представлениях египетских ученых о власти, даруемой Аллахом, нежели можно было почерпнуть из рисунков на престижных шелках или стеклянных вазах, которыми обменивались дворы. Речь идет о малоизученной практике тиражирования политических символов.

Не будем упускать из виду, что время составления Кодекса было эпохой расцвета геральдики. Как справедливо отметил А.П. Черных, «для человека XIII–XV вв. геральдика в культуре социальных отношений была настолько естественным, необходимым и безусловным явлением, что казалась одной из вечно присущих социальной организации общества черт» [Черных, 2002: 240]. Геральдическими были фигуры попугаев на шелках, тогда как попугай в Кодексе и атласе — иносказание.

Искусствовед Н.Н. Соболев полагал, что в XIV в. в Китае под монгольским управлением было широко развито производство экспортных тканей для мусульманских стран. Ткани изготавливали применительно ко вкусам, а иногда и по специальным заказам клиентов. «Таковы китайские шелковые ткани, найденные в сарацинских погребениях в Египте, вместе с мусульманскими копиями, датируемыми именем мамлюкского султана Насира, умершего в 1340 году. <...> В китайских парчах, затканых позолоченными ремешками и изготовлявшихся специально для мусульманского рынка, наблюдается соединение китайского стиля с арабскими мотивами и эмблемами,

а иногда даже с соответствующими надписями. На черно-золотой парче с попугаями, в круглых клеймах на плечах птиц куфическими буквами изображено: на одном „Мухаммад“, на другом — „Слава нашему султану, государю справедливому, мудрому Насир-ад-дину“. Современник султана, мамлюкский историк Абу-л-Фида, как очевидец, сообщает, что в 1343 г. монгольское посольство привезло Насир-ад-дину в числе прочих даров 700 кусков парчи с приведенными выше надписями» [Соболев, 1934: 182–183].

В этих сведениях почти все неверно. Так, дата, приводимая Н.Н. Соболевым, ошибочна, поскольку известно, что историк Абу-л-Фида умер в 1331 г., а султан Насир-ад-дин умер в 1340 г. Посольство ильхана Абу Саида было отправлено к мамлюкскому султану в 1323 г. Ошибочным было и утверждение Н.Н. Соболева о том, что монгольское посольство привезло в Египет шелка с надписями, прославляющими мамлюкского султана.

З.В. Доде публикует два перевода (с латинского и арабского) фрагмента сочинения Абу-л-Фиды, из которых следует, что часть подаренных ильханом тканей была украшена именем и титулом мамлюкского султана [Доде, 2014: 53]. Это неверный перевод. На тканях, присланных ильханом, могло быть только имя ильхана, но не имя его заклятого врага, мамлюкского султана. К тому же слово «насир» — это не имя, а почетное определение («победоносный»). Поэтому золототканый шелк с парными попугаями, на чьих крыльях выткана надпись, прославляющая султана, мог принадлежать любому из пяти мамлюкских султанов, именовавшихся «победоносными». Последнее означало их победу над ильханами. Подарочный же текстиль, упоминаемый в сочинении Абу-л-Фиды, не имеет никакого отношения к шелковой ткани с изображением царских птиц правителей Египта.

Тем не менее три фрагмента шелка с попугаями, о котором пишет Н.Н. Соболев, существуют. Они хранятся в сокровищницах церковей Богоматери в Данциге [Aus dem Danziger Paramentenschatz, 1958: 11, cat. 1] и Любеке [Wardwell, 1989: 152, fig. 19]. Ткань из Берлинского музея Kunstgewerbemuseum первоначально также связана с сокровищницей церкви Богоматери в Берлине [La Seta, 1994: Cat. 109]. Исследователи датируют этот образец серединой XIV в., но по-разному определяют место его изготовления: Китай, Персия или Центральная Азия [Доде, 2014: 51–52].

С искусствоведческой точки зрения попугаи на шелках — это декоративные элементы. Декоративными элементами искусствоведы полагают и попугаев с надписью на крылах, тогда как это политический

знак. Неразличение их говорит об исторической слепоте. Никто из исследователей тканей не принял во внимание изображение мамлюкского султана с попугаем в руке в Каталонском атласе 1375 г. и рисунок попугая в «Codex Cumanicus». Сопоставление двух независимых артефактов, а именно миниатюры из атласа и шелка с попугаями, на чьих крылах выткана надпись, прославляющая султана, указывает на то, что попугай является политической эмблемой мамлюкских султанов. На рынке текстиля присутствовали образцы тканей с попугаями (без каких-либо надписей на крылах). Они-то и были использованы в Египте как форма, которую наполнили новым содержанием (выткан надпись на крылах). Так, фигура птицы из области ремесла и искусства перешла в область политической мифологии. Попугай, несущий имя султана, символизирует избранность мамлюкских султанов (равно как и попугай, которого держит в руке султан). Принимая этот вывод, мы на шаг приближаемся к пониманию рисунка попугая в «Codex Cumanicus». К слову, новая находка в могильнике Ногоон Гозгор I (Монголия) шелковой ткани с изображением попугаев (без каких-либо надписей), несомненно, расширяет географию использования дорогих тканей и демонстрирует универсальный характер монгольской имперской культуры, но к нашей теме прямого отношения не имеет [Харинский и др., 2018: 110–114].

С какой целью изготавливались шелка с декларативными фигурами? Трудно представить, чтобы золототканый текстиль с государственной символикой могли выставить в торговой лавке. Скорее всего, такие ткани раздавались при дворе на праздничных церемониях либо вручались иноземным послам, т.е. использовались для легитимации власти. На это указывает и содержание надписи. Для иллюстрации сошлюсь на эпизод из «Летописи царств и царей» каирского шейха Ибн ал-Фурата (ум. 1404), когда мамлюкский султан ал-Мансур Сайф-аддин Калаун (1280–1290) отправил с посольством в Золотую Орду подарки: «200 кусков великолепной, лучшей белой александрийской материи с шитой каймой, из них 100 кусков с золотой каймой, [содержавшей] титулы султана, и 100 — с шелковой каймой, [содержавшей] также титулы [султана]» [Сборник материалов, 2005: 266].

Как видим, ткани с султанской титулатурой предназначались для правителей с равным статусом. В дипломатической переписке египетского двора ханы Золотой Орды именовались «цари». В коллекции Эрмитажа есть фрагмент заказного узорчатого шелка с именем мамлюкского султана Мухаммада ибн Калауна, правившего Египтом с перерывами, в 1294–1340 гг. Вокруг сердцевины цветка лотоса, в лепест-

ках вытканы две надписи: «Слава господину нашему султану, *ал-малику ан-насиру* [„царю победоносному“]»; «Помощник мира и веры Мухаммад ибн Калаун». Ткань поступила в коллекцию из Египта, но считается изделием китайских мастеров, выполнивших заказ на экспорт [Странствия Ибн Баттуты, 2015: 150–151, кат. № 50]; С. Б. Певзнер предлагает другую атрибуцию [Певзнер, 2015: 38–44]. На ткани есть лотосы, но нет попугаев, необходимость в которых отпала. Мухаммад ибн Калаун своей династией вытеснил режим мамлюков.

Почему в свое время выбор египетского двора пал на попугая? Следует ли здесь видеть реальную птицу или речь идет о метафоре, мистическом образе? От Индии до Персии попугай воспринимался как царский символ. Этого обстоятельства недостаточно, чтобы образец красноречия и мудрости превратился в фигуру, указывающую на то, что правящая группа обрела высшее покровительство. Миниатюра, где изображен султан с попугаем, который лакомится сахаром, заключает в себе историческую загадку (загадку для нынешних исследователей, но не для автора карты), поскольку отсутствует текст-посредник, разъясняющий суть дела. В наших материалах между миниатюрой и эмблемой на шелке отсутствует звено, пролившее бы свет на символы власти правителей Египта. Определенно можно говорить о двух аспектах. Образ птицы манифестировал особый статус египетского султана, и это послание было адресовано вовне. И второе, появление графического изображения, с учетом общеизвестного запрета на изображение живых существ, указывает на разрыв традиции и кризис казавшейся незыблемой картины мира. Идеологему с попугаем придумали не мамлюки, а мусульманские ученые при дворе. На участие двух групп указывает следующее обстоятельство.

Налицо инверсия: на ткани имя султана покоится на крылах птицы, на карте, наоборот, султан держит птицу. Очевидно, что образ на ткани ближе к искомой идее победоносного воинства Аллаха. Тогда как на миниатюре представлена некая интуиция, прозревающая за внешними вещами высшую реальность, как, например, в трактате Ибн Сины «Послание о птицах» [Ибн Сина, 1981: 140–143]. Образ попугая — это иносказание.

Вероятно, в образе попугая кристаллизуется идея избранности мамлюкской династии на служение высшим целям. Попугай — одна из тридцати птиц мистического авиариума суфиев. В «Поэме о скрытом смысле» Джалал-ад-дина Руми рассказывается о том, как попугай, запертый в клетке, получив тайный знак от попугая, обитающего в Индии, смог вырваться на свободу. Это суфийская притча о душе,

заклоченной в телесную клетку и скорбящей о своей небесной родине; она принимает совет души, свободной от телесных уз, и обретает свободу [Джалал-ад-дин Руми, 2007: 128–129]. У Руми есть строки, частично раскрывающие смысл миниатюры в атласе. Попугай, грызущий сахар, — образ мистика, растворяющегося в Боге, где попугай — Бог, а сахар — мистик («Диван-и Шамс-и Табризи»). Здесь мы приблизились к пределу интерпретаций. Вопрос о связи между султаном и попугаем оказывается мнимым. В суфийской картине мира «султан» означает «военную силу», а «попугай» — Аллаха, дарующего ей мощь и победу. Это победа Аллаха над Тенгри, Корана над Ясой Чингис-хана, о чем с нескрываемым торжеством напишет Ибн Фадлаллах ал-‘Умари, прославляя кыпчакское оружие в битве при Айн-Джалуте. На шелках образ попугая, несущего на своих крыльях имя мамлюкского султана, — это Аллах, наделяющий своего избранника сокрушающей мощью, знаком чего стала победа мамлюков над монголами.

Неслучайно и зеленое оперение попугая. В мистической поэме «Мантик ат-тайр» («Разговоры птиц») иранского поэта Аттара (ум. ок. 1229) попугай — одна из птиц, совершающих путешествие к Абсолюту. В поэме говорится, что у попугая — зеленые перья, делающие его подобным пророку мусульманской традиции, бессмертному Хызру, носящему зеленые одежды. Тридцать птиц Аттара, охваченных стремлением найти Симурга, своего царя, — прежде всего персонализации свойств и состояний души. Когда они проходят «семь долин» (семь стадий духовного совершенствования) и прибывают во дворец Симурга, им не удастся его увидеть, ибо Симург лишь символ божества, подобного зеркалу [Бертельс, 1997: 121–122]. В «Тутинаме» («Книга попугая») персидский автор начала XIV в. Зийа-ад-дин Нахшаби, обращаясь к пророку Мухаммаду, называет его «попугаем цветника совершенства» [Зийа-ад-дин Нахшаби, 1979: 17].

Выяснение скрытого смысла метафоры требует преодоления буквального понимания текста. Исторические методы здесь бессильны, а трудности не заканчиваются. Парадокс в том, что мистическая идея обрела форму и превратилась в государственную эмблему (попугай как символ избранности мамлюков). Остановимся на этом подробнее. И обратимся к аспектам, казалось бы, далеким от заявленной темы, а именно к триаде мамлюки–ислам–монголы.

Война Монгольской империи с Багдадским халифатом ввергла мусульманский мир в хаос. Падение Багдада зимой 1258 г. было воспринято как разрушение сакрального центра. Захват Египта монголами был вопросом времени. И тут произошло нечто неожиданное. Мам-

люки под командованием султана Кутуза и эмира Байбарса выиграли сражение с монголами при Айн-Джалуте [Гальперин, 2008: 385–400]. На самом деле мамлюки разбили монгольский отряд, прикрывавший отступление главного войска. Неожиданным выглядело возвращение монголов в Иран. Египет спасло случайное событие: смерть великого хана Мунке, воевавшего в Китае. Известие о смерти Мунке остановило военные акции монголов на Ближнем Востоке. По мнению востоковеда Дж. Флетчера, «кончина степного самодержца, как знали все монголы, не являлась чем-то принципиально незначимым. Классической структурой степной империи была структура, настолько тесно связанная с личностью правителя, что, когда он умирал, возникала реальная опасность распада империи» [Флетчер, 2004: 247]. Такова же точка зрения Г.Е. Грумм-Гржимайло: «Кончины императоров всегда останавливали военные действия монголов, где бы они ни происходили, так как князья должны были спешить на курултай для избрания нового хана» [Грумм-Гржимайло, 1994: 102].

Монгольский взгляд на ситуацию озвучен устами правителя Египта, Кутуза, в хронике событий ильханского историка Рашид-ад-дина. Кутуз объяснял прекращение военных действий в Сирии и возвращение Хулагу в Ахлат известием о смерти Менгу-хана: «Хулагу-хан с огромной ратью устремился из Турана в Иран, и ни одна душа из халифов, султанов и меликов не нашла силы сопротивляться. Завоевав все страны, он дошел до Дамаска, и ежели бы к нему не подоспело известие о кончине брата, то и Миср (Египет) тоже был бы присоединен к прочим странам» [Рашид-ад-дин, 1946: 51].

Как оценивали ситуацию мамлюки, мы не знаем, но знаем мысли их идеологов. Рациональному объяснению Рашид-ад-дина противостоит мистическое объяснение, найденное египетскими историками. Так, Ибн Фадлаллах ал-'Умари прославляет доблести египетских мамлюков, основную массу которых составляли кыпчакские рабы. Для ал-'Умари они были истинным войском Аллаха и их победы над монголами были исполнением воли Аллаха. Ал-'Умари пишет о чудесах Пророка. Реальная политика обретает мистическое измерение. Здесь следует искать ключ к иносказательной эмблеме попугая. Приведу текст полностью.

«Тюрки этих стран, говорю я, [один] из лучших родов тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте фигур и благородству своих характеров. Из них [состоит] большая часть войска Египетского, ибо от них [происходят] султаны и эмиры его [Египта], с тех пор как ал-Малик ас-Салих

Наджм ад-дин Аййуб, сын [ал-Малик] ал-Камила, стал усердно покупать кыпчакских невольников. Потом господство перешло к ним. Цари из них чувствовали склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так что Египет заселился и стал охраняемым ими со всех сторон. Из них были светила государевой свиты, председатели собраний, предводители войск и вельможи земли его [Египта]. Мусульманство прославляет их подвиги в защиту веры, и они за дело Аллахово воевали со своими родичами и соплеменниками, причем не отклоняло их [от этого дела] сострадание [к соплеменникам] и не останавливало их в деле Аллаховом хуление порицателей. Достаточно указать на первую победу, [одержанную ими] в сражении при ‘Айн Джалуте, когда выступил ал-Малик ал-Музаффар Кутуз, владыка Египта, в 658 году (1260 г.) да разбил при ‘Айн Джалуте войска Хулаку, и Хулаку ушел от Халеба вспять. Войско египетское исполнило то, что были не в силах сделать цари [разных] стран земли, несмотря на усилия султана Джалал-ад-дина Мухаммада, сына Хорезмшаха, — да смилуется над ним Аллах! — [сражавшегося] до самой смерти своей, а [ведь] войско египетское по отношению к войскам Джалалийским было не что иное, как точка [в отношении] к кругу, как глоток [в отношении] к морю. Да, Аллах поддерживает своей помощью кого он захочет, и „как часто малая рать побеждала великую с соизволения Аллаха; Аллах [заодно] с твердыми“¹. Это [одно] из чудес пророческих, и этим исполнилось изречение его [Пророка] — да будет над ним благословение Аллаха и мир! — „одна рать из моего народа не перестанет одерживать верх над теми, кто враждует против нее, до дня воскресения; не повредят ей те, которые покинут ее, так что настанет день повеления Аллаха (т.е. светопреставление), а она все будет в том же положении (т.е. несокрушенной). О! Это рать западная“. Слова „О! Это рать западная“ прибавлены в некоторых редакциях, но такая редакция неверна. По смыслу своему, [впрочем], она верна, потому что эта рать [мамлюки Египетские] и есть, очевидно, та победоносная рать, которую имел в виду и разумел Пророк в своем изречении, потому что над татарами никто, кроме нее, не одерживал верха. Благодаря этой победе победа над татарами стала постоянной, а одержана она была именно ими [мамлюками], не кем-нибудь другим, хотя и было тогда много царей мусульманских и велико их рвение к священной войне. Этим разом поддержан был дух ислама, и уцелел остаток веры. Не будь этого, распался бы народ истинной

¹ Коран. 2: 250.

религии, расшатались бы столпы веры, пробрались бы всадники поклонников солнца до крайних пределов Запада, и рухнули бы все горные хребты земли» [Сборник материалов, 2005: 172–173].

Ал-‘Умари с предельной ясностью представил войско мамлюков воинством Аллаха, чьи подвиги были предсказаны Пророком. Победа дарована мамлюкам высшей силой. Оставалось полшага для оформления мистического концепта в символ власти. После битвы при Айн-Джалуте можно говорить о начале кристаллизации знака.

Для уяснения смысла миниатюры Каталонского атласа, равно как и шелковых тканей с попугаями и славословием султана, необходим широкий исторический контекст. Панорамная картина ал-‘Умари задает истинный масштаб событий. Защищая себя, мамлюки защищали ислам. Ключ в словах: «Аллах поддерживает своей помощью кого он захочет». Пророчество об избранности мамлюкской династии должно было обрести материальный символ. Вследствие не очень ясных причин таким символом стал попугай — одна из тридцати птиц мистического авиариума суфиев. Вероятно, мы соприкасаемся с религиозно-политическим феноменом легитимации власти лидеров из военной гвардии тюркских невольников мусульманской общиной, исполненной мистических ожиданий. Эта мифологема имела широкую известность и нашла отражение на Каталонском атласе в фигуре правителя Египта с попугаем в руке.

Все мамлюкские султаны были выходцами из профессиональной гвардии. Этнически в массе своей они были кыпчаками из причерноморских степей. У мамлюков была сложная иерархическая система, на вершине которой находились личные мамлюки самого султана. Статус невольника представлял важное условие подъема по ступенькам этой иерархии власти, поскольку свободные люди, включая и сыновей бывших мамлюков, занимали в армии только низшие посты. Самодержавие султана ограничивали главные эмиры и бюрократический аппарат, а о неустойчивости власти султаната свидетельствуют быстрая смена правителей и троекратный приход к власти одного султана, как это было с ан-Насиром Мухаммадом ибн Калауном. Мамлюки продолжали суннитскую политику Айюбидов; этим почти наверняка объясняется то, что они сохраняли в Каире ветвь прозябавших в праздности аббасидских халифов [Босворт, 1971: 101–102]. Формально султаны получали свою власть из рук халифа. В свою очередь, халиф считался наместником посланника Бога. Учреждение халифата в Каире имело целью придать законность правлению мамлюков и было моральным оружием в борьбе с крестоносцами и мон-

голами. Кроме того, халифы по-прежнему, как и в Багдаде, возглавляли особые рыцарские ордена (*футувва*).

После падения Багдада в 1258 г. и насильственной гибели всей семьи халифа в мусульманском мире выросли мистические ожидания. Джамал ал-Карши, мусульманский историк и филолог, написавший свое сочинение при дворе чагатайского хана Хайду (ум. 1301), в главе об аббасидских халифах опускает все подробности гибели последнего повелителя правоверных. Монголы в этом рассказе вообще не упоминаются. Халиф и столица мусульманского мира погибли, потому что от них отвернулся Аллах. Тем самым историческое событие переходит в разряд вечности. Писать о разрушительной силе монголов придворный филолог не мог. Дело в том, что и в Иране, и в Мавераннахре в это время правили представители золотого рода Чингис-хана. О харизматической силе этого рода и небесном мандате Чингис-хана Джамал ал-Карши также не говорит ни слова. Крушение Багдада он описывает на языке метафор, невольно обозначая космический характер той силы, что уничтожила сакральный статус мусульманского Центра Мира [Джамал ал-Карши, 2005: 79–80]. Пожалуй, не найти более надежного свидетельства кризиса религиозной идентичности мусульманской общины.

В 1264 г. к Берке, правителю Улуса Джучи, отправилось посольство египетского султана Байбарса, которое привезло ему раззолоченный свиток с родословной халифа. Среди великолепных подарков (одежд, молитвенных ковров, мечей, копий, светильников) были и живые попугаи [Сборник материалов, 2005: 72–73].

Подведем итог.

1. Подтвердилась гипотеза о том, что реалистичное изображение попугая в «Codex Cumanicus» и в Каталонском атласе 1375 г. (птица в руках султана) является одной и той же мистической фигурой суфийского авиариума. Это знак того, что мамлюкские правители Египта находятся под покровительством Аллаха. Для того чтобы раскрыть последнюю загадку «Codex Cumanicus», понадобилось собрать пазл из нескольких элементов, что оказалось равнозначно реконструкции религиозного феномена легитимации мамлюков в Египте.

Попугай в руках египетского султана на миниатюре Каталонского атласа вовсе не птица. В образе попугая кристаллизуется идея избранности мамлюкской династии на служение высшим целям. Следовательно, и фигуры попугаев на шелках — это не птицы, а символ божества, наделяющего твердостью малую рать перед лицом тьмы.

И на странице «Codex Cumanicus» попугай — это мистический знак, указывающий на то, что мамлюки Египта — победоносное воинство Аллаха. Для непосвященных эмблема династии — попугай. Суфий же здесь видит иное. Душа (попугай), пройдя семь стадий духовного совершенствования (полет стаи тридцати птиц в поисках царя), освобождается от своего индивидуального Я, чтобы слиться с божественным светом.

2. Поскольку попугай на рисунке в Кодексе — это птица из арсенала суфийских притч, то ее изображение не предполагало текстового пояснения. Смысл образа был известен посвященному. Геральдические же фигуры попугаев на шелках выполняют функции государственных символов. Такие ткани использовались как дипломатические подарки. Надпись на крылах птиц, прославляющая султана, была просто необходима. Попугай в Кодексе и попугаи на престижных шелках — знаки из разных сфер. Можно говорить о перекодировке мистического символа в геральдический знак.

3. Благодаря дипломатическим контактам между Египтом и Улусом Джучи эмблема попугая получила широкую известность. Каким образом она попала на страницу Кодекса? Скорее всего, немецкие францисканцы привлекли для работы над словарем и проверки переводов крещеного кипчака. Это обстоятельство не могло стать препятствием интересу к мистической фигуре. Для автора рисунка в Кодексе важно, что его соплеменники творят историю, став одной из самых активных политических сил. Кыпчаки, проигравшие монголам в родных степях, вернули себе славу победителей. Победа же дарована высшими силами. Эти мистические переживания и отражает рисунок.

Рисунок попугая в Кодексе предваряет раздел с кыпчакскими загадками. Он сам является загадкой, но не из области фольклора, а загадкой из высшей области. В Кодексе на л. 59 имеется афоризм для проповеди, по содержанию близкий к суфийским представлениям: «Если бы прах был в тысячу раз светлее солнца, по сравнению со светом Бога это всё равно тьма» [Гаркавец, 2006: 14].

Литература

- Бертельс, 1997 — *Бертельс А.Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. М., 1997.
- Босворт, 1971 — *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.

- Веселовский, 1899 — *Веселовский Н.И.* Раскопки группы курганов у станицы Белореченской // Отчет Имп. археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1899.
- Гальперин, 2008 — *Гальперин Ч.Дж.* Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ. Донецк, 2008.
- Гаркавец, 2006 — *Гаркавец А.Н.* Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV вв. М., 2006.
- Гаркавец, 2007 — *Гаркавец А.Н.* Кыпчакское письменное наследие. Т. II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков. Алматы, 2007.
- Голубев, 2002 — *Голубев Л.Э.* Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; М., 2002.
- Грум-Гржимайло, 1994 — *Грум-Гржимайло Г.Е.* Джучиды. Золотая Орда // «Арабски» истории. Кн. 1. Русский взгляд. М., 1994.
- Дашкевич, 1985 — *Дашкевич Я.Р.* Codex Cumanicus: вопросы возникновения // Вопросы языкознания. М., 1985. № 4.
- Джалал-ад-дин Руми, 2007 — *Джалал-ад-дин Мухаммад Руми.* Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). Первый дафтар / Пер. с перс. под ред. А.А. Хисматулина. СПб., 2007.
- Джамал ал-Карши, 2005 — *Джамал ал-Карши.* Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введение, пер. с арабо-персидского, коммент., текст, факсимиле Ш.Х. Вохидова, Б.Б. Аминова. Алматы, 2005 (История Казахстана в персидских источниках. Т. I).
- Доде, 2014 — *Доде З.В.* «Халат власти» и «пояс покорности»: почетная одежда монгольской элиты (опыт семантической реконструкции или размышления над мозаикой) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13. Золотоордынское время. Сб. науч. трудов. Донецк, 2014.
- Еманов, 1996 — *Еманов А.Г.* «In bosca inimicorum nostrorum»: Каффская кустодия ордена миноритов // Тюменский исторический сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию ист. фак. ТГУ. Тюмень, 1996.
- Зийа-ад-дин Нахшаби, 1979 — *Зийа-ад-дин Нахшаби.* Тути-наме («Книга попугая») / Пер. с перс. Е.Э. Бертельса. М., 1979.
- Золотая Орда, 2005 — Золотая Орда. История и культура. Автор концепции выставки М.Г. Крамаровский. СПб., 2005.
- Ибн Сина, 1981 — *Ибн Сина.* Послание о птицах // *Шидфар Б.Я.* Ибн Сина. М., 1981.
- Кононов, 1982 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд. Л., 1982.
- Малов, 1930 — *Малов С.Е.* К истории и критике «Codex Cumanicus» // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд-ние гуманитарных наук. 1930. № 5.
- Мальшев, 2006 — *Мальшев А.Б.* Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006.
- Певзнер, 2015 — *Певзнер С.Б.* Художественные ткани средневекового Египта в собрании Государственного Эрмитажа. М., 2015.

- Расовский, 1929 — *Расовский Д.А.* К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый институтом имени Н.П. Кондакова. Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines. Т. 3. Прага, 1929.
- Рашид-ад-дин, 1946 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.
- Самойлович, 2000 — *Самойлович А.Н.* К истории и критике Codex Cumanicus // *Самойлович А.Н.* Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000.
- Сборник материалов, 2005 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Перераб. и доп. изд. Алматы, 2005 (История Казахстана в арабских источниках. Т. I).
- Соболев, 1934 — *Соболев Н.Н.* Очерки по истории украшения тканей. М., 1934.
- Стоянов, 2003 — *Стоянов В.* Codex Cumanicus: история изучения // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Странствия Ибн Баттуты, 2015 — «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2015.
- Тодорова, 1981 — *Тодорова Е.* Вичина, Килия и Ликостомо // Български средновековни градове и крепости. Т. 1: Градове и крепости по Дунав и Черно море. Варна, 1981.
- Флетчер, 2004 — *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
- Харинский и др., 2018 — *Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Кичигин Д.Е.* Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор I в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2018. Т. 14. № 2. С. 93–120.
- Хаутала, 2014 — *Хаутала Р.* Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2014. № 7.
- Ходжсон, 2013 — *Ходжсон М.Дж.С.* История ислама: исламская цивилизация от рождения до наших дней. М., 2013.
- Черных, 2002 — *Черных А.П.* Реальные проблемы воображаемой геральдики // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. М., 2002.
- Юрченко, 2010 — *Юрченко А.Г.* Каталонский атлас 1375 года: коды и символы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Сб. науч. работ. Донецк, 2010.
- Atil, 1981 — *Atil E.* Renaissance of Islam: Art of the Mamluks. Washington, 1981.
- Aus dem Danziger Paramentenschatz, 1958 — Aus dem Danziger Paramentenschatz und dem Schatz der Schwarzhäupter zu Riga. Nürnberg, 1958.
- Brătianu, 1935 — *Brătianu G.* Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Cluj, 1935.
- Der Katalanische Weltatlas, 1977 — Der Katalanische Weltatlas von Jahre 1375 nach dem in der Bibliothèque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergege-

- ben Mit einer Einführung und Übersetzungen von H.-Ch. Freiesleben. Stuttgart, 1977.
- Drimba, 2000 — *Drimba V.* Codex Cumanicus / Édition diplomatique avec fac-similés. Bucarest, 2000.
- Golden, 1992 — *Golden P.* The Codex Cumanicus // Central Asian monuments / Ed. by H.B. Paksoy. İstanbul, 1992.
- Kuun, 1880 — *Kuun G.* Codex Cumanicus Bibliothecae ad Templum Divi Marci Venetiarum. Budapestini, 1880.
- La Seta, 1994 — La Seta e la sua via Catalogo della Mostra. Ideazione e cura di M.T. Lucidi. Roma, 1994.
- Les Portulans, 1984 — *M. de La Roncière, Mollat du Jourdin M.* Les Portulans, cartes marines du XIIIe au XVIIe siècle. Fribourg, 1984.
- Wardwell, 1989 — *Wardwell A.* Pannitartarici: Eastern Islamic Silks Woven With Gold and Silver (13th and 14th centuries) // Islamic Art. III. 1988–1989. New York, 1989.